

М. С. Бутинова

КУЛЬТ КАРГО В МЕЛАНЕЗИИ

(К ПРОБЛЕМЕ МИЛЛЕНАРИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ)

В последние двадцать лет проблеме милленаристских движений уделяется большое внимание в этнографической литературе. Главной причиной этого внимания является быстрый распад колониальной системы после второй мировой войны; вступление на путь самостоятельного развития многих бывших колоний и полукolonий в Азии, Африке, Латинской Америке, Океании; появление реальных надежд на освобождение у тех племен и народов, которые пока еще томятся под колониальным игом.

Многие десятилетия колониального бытия не просто тормозили развитие народов Меланезии; они уродовали их экономику, культуру, сознание. В частности, современные религии этих народов представляют собой беспорядочное смешение местных («языческих») и христианских (католических, протестантских и др.) элементов. Низкий уровень экономического развития, массовая неграмотность, отсутствие квалифицированных кадров, зависимость от резко колеблющихся цен на мировом рынке и многие другие неблагоприятные факторы создают огромные трудности на пути развития народов Меланезии; некоторым слоям населения они подчас кажутся непреодолимыми.

Нет ничего удивительного в том, что мечта о лучшей жизни принимает в этих условиях иррациональные формы, она получает выражение, например, в поддержке пророков, предсказывающих скорый приход корабля с «карго» (от cargo, англ. — судовой груз), т. е. с теми товарами и продовольствием (в первую очередь европейского происхождения), в которых местное население остро нуждается и которые будто бы посланы ему предками. Движения, называемые культом карго, при всех их особенностях имеют общие черты. «Одной из самых ярких общих черт является убеждение, что карго европейских товаров посылается предками или духами умерших, — пишет австралийский этнограф Р. Берндт. —...Здесь проявляется верование, что все товары посланы предками или духами в дар их потомкам, но незаконно перехватываются на полпути европейцами»¹.

Рассмотрим на конкретном примере, что представляет собой культ карго. Речь пойдет о событиях, происходивших среди племени джате (Новая Гвинея, Восточное Нагорье) в 1943—1949 и последующих годах. Благодаря публикации Р. Берндта мы можем изучить эти события не только по описаниям автора, но также по высказываниям самих папуасов и по донесениям патрульных офицеров. Обратимся к документам. Говорит папуас племени джате (его рассказ записан на языке джате и сопровождается подстрочным переводом и примечаниями):

«Мы построили большой дом. Мы назвали этот дом магазином. Мы положили в него камни, палки, белый песок, листья. Они изображали товары, ружья, соль, письмо. У нас мало этих товаров. Люди сказали: мы теперь имеем ружья (сделанные из дерева) и будем убивать из них европейцев. Если придут патрульные офицеры, мы будем с ними

¹ R. M. Berndt, A Cargo movement in the Eastern Central Highlands of New Guinea, «Oceania», vol. XXIII, № 1, 1952, p. 48.

даться. Люди верили, что палки превратятся в ружья, а камни в товары, когда придут духи предков и когда все европейцы будут убиты»².

«Два старика, — рассказывает другой папуас того же племени, — построили «магазин» около могилы своего отца. Они расчистили тропинку, ведущую от могилы к «магазину», и внутри него разложили разные предметы, изображающие товары. Ночью они сидели и ждали, когда же придет дух их отца и положит на могилу деньги. Тогда бы они пошли в магазин, эти предметы уже превратились бы в реальные «товары» и они стали бы покупать их. Время от времени старики смотрели на могилу, но там ничего не было»³.

Интересные детали приводит еще один папуас из племени джате:

«Наши отцы говорили: когда папуас умирает, он превращается в белого человека. Умирает мой брат — он возвращается обратно в образе белого человека. Умирает мой отец — то же самое. Вы, белые люди, этого не понимаете. Мы же это понимаем. Мы знаем, что вы — это наши умершие родственники и предки, которые к нам вернулись. А вы этого не знаете. Мы знаем больше, чем вы. Нам стыдно за вас, вы так мало знаете. Деньги, товары, которые предназначены для нас, присваиваете себе вы. Нам нужны деньги и товары».

Ту же мысль очень кратко выразил другой его соплеменник:

«Белые люди дают нам товары, но очень мало. Все эти вещи духи мертвых посылают нам, но белые люди присваивают их себе. Мы хотим сами получить все, что посылают духи»⁴.

Теперь обратимся к донесениям служащих колониальной администрации, патрульных офицеров. Сообщает патрульный офицер лейтенант Эвинг:

«25 сентября 1943 г. констебль Накалор после возвращения в Вомпур из патрульного похода сообщил, что во время пребывания в Арау он увидел новый большой дом, сделанный из туземных материалов. Около дома стояли два высоких столба, и между ними была протянута туземная веревка. Та же веревка шла через травяную крышу и была прикреплена к концу бамбукового цилиндра, находящегося в доме. Здание рассматривалось туземцами как «телеграф». Констебль не смог узнать у жителей деревни что-либо о его назначении... 26 сентября 1943 г. констебль и мой личный слуга Потул... пробрались в этот дом ночью, когда в нем никого не было. Они ждали всю ночь до утра. Утром жители деревни собрались вокруг дома, вооруженные палками. Один из туземцев обучал; палки употреблялись в качестве ружей. Констебль и Потул вышли из дома. Туземцы убежали в лес. Констебль поймал двух из них, привел на станцию. После долгих расспросов они рассказали следующее: туземцы узнали, что скоро придет Иисус, они должны построить большой дом со столбами и телеграфом, чтобы Иисус мог заблаговременно известить их о своем приходе и все были готовы встретить его в каждой деревне. Тогда все туземцы, обученные применению ружей, получают оружие и выгонят белых»⁵.

Патрульный офицер сообщает далее, что он прошел по деревням и разрушил все построенные в них дома-«телеграфы». Потом он приказал созвать папуасов, отобрал у них палки-«ружья» и сказал, что Иисус известит о своем приходе в первую очередь губернатора, но это будет не скоро, и если случится, то знать об этом будет губернатор, и только он⁶.

Характеристика карго-культа дается и в донесении патрульного офицера лейтенанта Стивенсона от 28 октября 1944 г.:

«Папуасы уничтожили все свое оружие, движимое имущество; пища была выброшена, деревня была лишена всего самого необходимого для жизни и таким образом была готова принять карго. Были воздвигнуты высокие столбы со ступеньками на них, чтобы те, кто умрет, лезли по ним к христианскому богу; кусок тростника мыслился как фонарь; после смерти надо было лезть по лестнице вместе с ним, чтобы увидеть бога... Каждый день все туземцы, мужчины и женщины, входили в этот дом, сидели там молча, а лидер беседовал по «телеграфу» с праотцами»⁷.

² R. M. Berndt, Указ. раб., «Oceania», vol. XXIII, № 3, 1953, p. 219—222.

³ Там же, стр. 222—223.

⁴ Там же, стр. 205—206, 220—221.

⁵ Там же, стр. 227—228.

⁶ Там же, стр. 230.

⁷ Там же, p. 231—232.

И еще одно сообщение Стивенсона:

Слухи, которые распространялись, подобно огню и поселяли беспокойство в людях, касались перспектив на будущее. Говорилось, что с тех пор, как белый человек пришел на нашу землю, мы видели много „хороших вещей“ — железные топоры, *laplap* (одежду), кастрюли и т. д. и хорошую пищу, и все это пришло в нашу страну извне... Те хорошие вещи всегда посылались нам нашими праотцами, но не попадали к нам, потому что белые знали, как перехватить их, и делали это. Тогда эти товары, вместо того чтобы попасть к нам, попадали в магазины и мы должны были очень много работать, чтобы получить хотя бы часть их. Однако наши праотцы узнали о том, что происходит со всеми теми товарами, и теперь они будут доставлять их прямо к нам... Был лидер движения. Он сносился с праотцами по „телеграфу“ — туземной веревке в несколько сот ярдов длиной; один конец ее был в лесу, а другой — в доме, где находился бамбуковый „приемник“⁸.

Так выглядит одно из движений, называемых культом карго, по рассказам самих участников этого движения и по сообщениям патрульных офицеров. В данном случае, собственно, движение еще только начиналось и было подавлено колониальными властями весьма быстро: лидеры его были арестованы, дома-«телеграфы» и дома-«магазины» разрушены, палки-«ружья» отобраны. Но в других случаях события принимали более острые формы: участники движений неделями ждали прибытия корабля или самолета с грузом, посланных предками или духами мертвых. Предварительно они разрушали свои хижины, закалывали свиней, уничтожали урожай на огородах и т. д., полагая, что духи мертвых, увидев их бедственное положение, скорей придут им на помощь. Такой характер носили, например, события, происшедшие в 1944 г. на островке Нриол (одном из островов Адмиралтейства). Туземец по имени Ванеи созвал жителей своего островка и сообщил им, что ему во сне явился Иисус и сказал, что в воскресенье жители Нриола получают карго (аэропланы, корабли, бульдозеры, железо, деньги, продовольствие). В этот день Иисус в сопровождении духов умерших придет на землю. Все поверили Ванеи; он стал пророком и лидером культа карго. Он приказал взять все, что есть в домах, и выбросить в море или сжечь: собачьи зубы, раковинные деньги, горшки и другие местные ценности, а также европейские товары. Все было сделано, как велел Ванеи; люди верили, что так приказал Иисус. Затем Ванеи приказал уничтожить лодки и паруса. Для жителей острова это было равносильно принесению в жертву самих себя, но и этот приказ Ванеи был выполнен.

Прошло несколько дней, наступило воскресенье. Но корабль с карго не прибыл. Ванеи сказал, что неверно понял Иисуса: корабль с грузом придет в следующее воскресенье. Люди продолжали ждать, долгие часы проводя в деревенской церкви и уничтожая то, что еще не было уничтожено. Наконец была снесена и сама церковь. Настала пятница. Все стояли на берегу и ждали корабль с грузом. Никто не спал по ночам. Одному казалось, что он видит корабль, другому слышался шум самолета. В ночь на воскресенье Ванеи выстроил всех жителей островка на берегу — встретить прибытие карго. Но ничего не прибыло. Тогда Ванеи понял, что ошибался и сказал своим братьям: «Братья мои, Мули и Нрейе, я искажил слова бога. Это послание от бога — не ложь. Это истина..., а я искажил то, что он сказал. Потом я следовал этому до конца, думая, что это верно; но это было уже неверно, я ошибался. Что теперь делать? Я не могу вернуть то, что уничтожено. Братья мои, убейте меня». Ванеи еще продолжал, стоя на берегу, свою речь, когда Мули раскроил ему череп большим железным ножом⁹.

Одной из основных черт движений, которые называют культом карго, является их антиевропейская направленность, т. е. борьба против коло-

⁸ Там же, стр. 231.

⁹ C. Schwartz, *The Paliau movement in the Admiralty Islands, 1946—1954*, N. Y., 1962, p. 268—270.

ниального гнета. После второй мировой войны число этих движений в Меланезии сильно возросло. Всего их зафиксировано около 100, но можно полагать, что было много больше. Для примера можно указать на движение среди племени каоверабедьи (Западный Ириан) в 1950—1961 гг. Люди этого племени верят в страну мертвых, где все варриа (духи мертвых) богаты, а все женщины красивы. Главная в стране мертвых — женщина по имени Дьевме, она построила там для варриа большую деревню. Когда умирает человек, душа его не сразу становится варриа; чтобы она превратилась в духа, родственники умершего должны возвести домик над могилой, накопить там много пищи и устроить празднество. Варриа за это оплатят сторицей. Когда папуас убивает в лесу дикую свинью, он верит, что ему помог варриа. В 1955 г. в племени каоверабедьи прошел слух, что варриа скоро пришлют корабли с грузом. Признаком их прибытия явится плеск воды из могил. Затем мертвые восстанут из могил. Появятся варриа, у них будет карго. Варриа построят новую деревню, заведут новые порядки. Всем будет всего хватать. Никто не будет болеть, никто не будет умирать. Все будут богаты, как европейцы¹⁰. В ожидании варриа папуасы построили домики на могилах, чтобы духи мертвых складывали там карго. В течение двух месяцев люди не работали на огородах, по ночам исполняли магические пляски, пели песни. Вот одна из них:

Когда солнце зайдет,
Мы бьем в барабаны.
А при свете солнца
Мы не можем петь.
Под бой барабанов
Мы пляшем на могиле.
Ты, Дьевме, пляшешь под домом.
А живые тоскуют,
Они не слышат твой голос.
Дьевме придет с варриа,
Принесет карго для нас.
Когда мертвые встанут из могил,
Они дадут нам карго¹¹.

Прошло четыре года. Домики на могилах начали разрушаться. Но люди продолжали верить в приход Дьевме с карго, и почти ежедневно в каждой из деревень пелись об этом песни. Когда к людям каоверабедьи приехал голландский этнограф Г. Остервал, папуас по имени Банни, указывая на различные европейские товары, со злобой спрашивал его: «Откуда люди получают все эти вещи? Почему вы не показываете нам, как их изготавливают? Почему у нас нет никаких фабрик?»¹². В 1961 г. вновь вспыхнул культ карго, и Банни стал его лидером. Все хижины были сожжены, свиньи убиты. Люди много ночей плясали и пели. Банни говорил: «Пока европейцы здесь, Дьевме и варриа не придут». Местный учитель, боясь расправы, покинул местность. Когда все продовольствие было съедено, наступил голод. Двое умерли от голода. Люди вернулись к своим обычным занятиям. Но еще целый год по ночам папуасы плясали и пели на могилах предков. Хижины потом были построены вновь, но во многих деревнях долгое время не было свиней. Люди говорили: «Пока Дьевме и варриа не придут, мы не хотим иметь свиней»¹³. Остервал, заключая свой рассказ о событиях в племени каоверабедьи, пишет, что

¹⁰ G. Oosterwal, A Cargo cult in the Mamberamo area, «Ethnology», vol. 2, № 1, 1963, p. 4.

¹¹ Там же, стр. 7, 8.

¹² Там же, стр. 9.

¹³ Там же, стр. 13.

культ карго вызван у них стремлением «быть хозяином в своем собственном доме», стремлением изгнать колонизаторов¹⁴.

Немецкий этнограф Г. Эккарт еще до второй мировой войны, когда культы карго были менее распространены, изучил эти движения в пяти районах: на о. Сайбэй (Торресов пролив), на побережье Папуасского залива, в районе Милн-Бэй, на о. Эспириту-Санто (Новые Гебриды) и на о. Бука (Соломоновы острова). В районе Милн-Бэй папуас по имени Токаруа предсказал потоп, после которого в живых останутся будто бы только его последователи; потом придет корабль с духами умерших и с карго. На побережье Папуасского залива, после долгих и бесплодных ожиданий корабля с карго, папуасы воздвигли высокий столб и послали Христу по «радиотелеграфу» весть о том, что они его ждут. На о. Эспириту-Санто прогнали европейцев, одного убили. На о. Бука готовили оружие для борьбы с европейцами и т. д. Обобщая эти данные, Эккарт составил любопытную таблицу¹⁵.

Черты культа карго	Сайбэй	Побережье Папуасского залива	Милн-Бэй	Остров Эспириту-Санто	Остров Бука
Верят в приход корабля	+	+	+	+	+
На корабле — духи предков (мертвых)	+	+	+		
На корабле — оружие и продовольствие	+	+		+	+
Островитяне строят большой дом		+		+	+
Устанавливают столбы с флагами		+			+
Прекращают работы на огородах	+	+	+	+	+
Враждебно относятся к европейцам	+	+	+	+	+
Верят, что духи мертвых прогонят или убьют европейцев	+	+			
Верят, что будет потоп			+	+	+
Верят, что поднимется остров из моря	+		+		

Изучение этой таблицы показывает, что основными чертами культа карго являются: враждебное отношение к колонизаторам, вера в приход корабля с грузом и в приход духов-предков или мертвых, прекращение работ на огородах, вера в необходимость изгнать европейцев. Незаполненные графы таблицы свидетельствуют, по-видимому, чаще всего не об отсутствии тех или иных черт культа, а об отсутствии сведений, об этих чертах, о недостаточной изученности движений.

Интересные сведения о следах карго-культа у папуасов Берега Маклая собрали советские этнографы, участники экспедиции на острова Океании в 1971 г. Члены экспедиции посетили деревню Бонгу на Новой Гвинее. Сопровождавший их представитель местной колониальной администрации К. Саймонс в первый же день настоятельно попросил наших ученых не ходить группами на мыс Гарагаси, где установлена мемориальная плита в память о пребывании здесь Н. Н. Миклухо-Маклая в 1871—1872 гг., а главное — не устраивать там никаких торжественных церемоний. Некоторые папуасы, предупредил он, могут истолковать эти церемонии по-своему, в свете идей карго-культа, они подумают, что под плитой зарыты товары, присланные им предками, и начнут здесь раскопки. К. Саймонс опасался, что на побережье может вспыхнуть культ карго, как это случилось несколькими неделями раньше в районе р. Сеник; там во время волнений были разрушены геодезические знаки¹⁶.

¹⁴ G. Oosterwal, Указ. раб., стр. 13.

¹⁵ G. Eckert, Prophetentum in Melanesien, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 69, Hf. 4—5, 1938, S. 140.

¹⁶ В. Н. Басилов, Через сто лет после Маклая, «Сов. этнография», 1972, № 4, стр. 151.

В деревне Бонгу, по свидетельству участников экспедиции, и сейчас имеется «немало последователей папуаса Ялли — основателя карго-культу с ярко выраженной антиколониальной направленностью»¹⁷. Однажды в воскресный день члены экспедиции наблюдали в деревне любопытную сцену: папуасы с утра должны были отправиться в церковь на богослужение, а вместо этого многие из них сидели у своих хижин и занимались повседневными делами — готовили пищу, ели, о чем-то спокойно беседовали. В церкви присутствовала лишь небольшая часть жителей деревни. На вопрос наших этнографов, почему люди не идут в церковь, один из папуасов ответил, что туда не пошли последователи Ялли. Под большим секретом, соблюдая массу предосторожностей, папуасы рассказали советским друзьям о Ялли и его учении, проявив тем большое доверие и расположение к посланцам из страны Маклая¹⁸.

* * *

В исследовании миллениаристских движений в колониях уже достигнуты известные успехи. Во-первых, накоплен довольно большой материал по конкретным движениям среди многих племен. Вышли в свет не только статьи, но и книги об отдельных движениях (П. Лоуренса, К. Бэрриджа, Т. Шварца и др.)¹⁹, т. е. собран солидный фактический материал, опираясь на который можно делать сопоставления и обобщения, находить сходные черты и подмечать локальные особенности. Во-вторых, проделана значительная работа по анализу и обобщению этих фактических данных (в трудах Т. Бодроги, П. Уорсли, Ж. Гиара и др.)²⁰. Из всех работ на первое место, несомненно, следует поставить труды итальянского религиоведа Витторио Лантернари. Статьи В. Лантернари, посвященные миллениаристским движениям, стали появляться в итальянских журналах с начала 1950-х годов. В 1960 г. вышла в свет его монография «Религиозные движения за свободу и спасение угнетенных народов»; в 1962 г. в Париже был издан французский перевод этой книги, а в 1963 г. в Нью-Йорке — английский²¹. К сожалению, английский перевод полон неточностей, даже название книги «The religions of the oppressed», как отмечает сам Лантернари, «было выбрано издателем вопреки моему требованию найти что-либо более подходящее»²². Издатель, видимо, решил несколько сократить объем книги и довольно свободно выбрасывал части текста из оригинала и примечания к основному тексту.

В 1965 г. журнал «Current Anthropology» провел дискуссию по этой книге Витторио Лантернари, к сожалению, не по оригиналу, а по англий-

¹⁷ Д. Д. Тумаркин, По островам Океании, «Сов. этнография», 1972, № 2, стр. 122.

¹⁸ В. Н. Басилов, Указ. раб., стр. 148, 150, 155—156.

¹⁹ K. Burrell, Mambu: a Melanesian millenium, London, 1960; P. Lawrence, Road belong Cargo: a study of the Cargo movement in the Southern Madang District, New Guinea, Manchester, 1964; T. Schwartz, Указ. раб.; R. F. Maher, New men of Papua: a study in culture change, Madison, 1961; A. Lommel, Der «Cargo-Cult» in Melanesien, «Zeitschrift für Ethnologie», Bd. 78, 1953.

²⁰ T. Bodrogi, Colonization and religious movements in Melanesia, «Acta Ethnographica», vol. 2, № 1—4, 1951; J. Guiart, «Cargo cults» and political evolution in Melanesia, «Mankind», vol. 4, 1951; P. Worsley, The Trumpet shall sound: a study of «Cargo» cults in Melanesia, London, 1957 (И. Уорсли, Когда вострубит труба. Исследование культов Карго в Меланезии, М., 1963); R. Linton, Nativistic movements, «American Anthropologist», vol. 45, № 2, 1943; S. Clemhout, Typology of nativistic movements, «Man», vol. 64, № 1—2, 1964; J. Inglis, Cargo cults: the problem of explanation, «Oceania», vol. 27, № 4, 1957; J. C. Jarvie, Theories of Cargo cults, «Oceania», vol. 34, № 1, 1963; W. E. H. Stanner, On the interpretation of Cargo cults, «Oceania», vol. 29, № 1, 1958; A. Wallace, Revitalization movements, «American Anthropologist», vol. 58, № 2, 1956; P. Christiansen, The Melanesian Cargo cult, Copenhagen, 1969.

²¹ V. Lanternari, Movimenti religiosi di libertà e di salvezza dei popoli oppressi, Milan, 1960; еро же, Les mouvements religieux de liberté et de salut des peuples opprimés, Paris, 1962; еро же, The religions of the oppressed, N. Y., 1963.

²² V. Lanternari, Reply, «Current Anthropology», vol. 6, № 4, 1965, p. 460.

скому переводу. В дискуссии выступили С. Бельшоу, К. Берндт, Р. Фэрт, В. Мюльман, Р. Рибейро, М. Судзуки, У. Уоллес и другие ученые²³. Несовершенство английского перевода сыграло в дискуссии коварную роль: на многие замечания и даже удивление рецензентов Лантернари отвечал: «Я сам удивлен. Простите, но эта мука не из моей мельницы»²⁴, после чего восстанавливал подлинный текст своей книги и добавлял: «Переводчик дал не столько перевод, сколько свою ошибочную интерпретацию»²⁵.

Но в целом дискуссия была полезной. Были отмечены как сильные стороны теоретической позиции Лантернари (например, выделение милленаристских движений в колониях в особую группу и обособление их от милленаристских движений в развитых странах), так и слабые стороны его позиции (например, попытка связать милленаризм с земледелием и почти полное отрицание таких движений у охотничьих и скотоводческих народов). Были отмечены также многие фактические ошибки. Среди рецензентов были и такие, кто отрицал закономерность выделения милленаристских движений в колониях в особую группу и призывал искать причины этих движений не в колониальном гнете, а в местных социальных и религиозных институтах. Такая тенденция сейчас довольно широко представлена в зарубежной науке. В частности, именно эта тенденция преобладала на чикагской конференции 1960 г., посвященной милленаристским движениям²⁶.

Конечно, местные социальные и религиозные институты играют свою роль: милленаристские движения возможны не в любой социальной и религиозной среде, а лишь в той, которая таит в себе условия для их возникновения и, главное, распространения среди широких масс. Отмечено, например, что в Меланезии не было таких движений в городах — все они разворачивались в деревнях, преимущественно в глухих районах. Отмечено также, что культы карго, столь частые в Меланезии, редко встречаются в аборигенной Австралии, с одной стороны, и в Микронезии и Полинезии — с другой. На все это есть свои причины, о которых будет сказано ниже. Но перенесение акцента при поисках основных причин возникновения милленаристских движений в колониях с колониального гнета на местные социальные и религиозные институты в целом ошибочно, явно связано с тенденциозной колонизаторской трактовкой этих движений и не может быть научно обосновано. Гораздо более перспективным и плодотворным представляется высказанное в ходе дискуссии по книге Лантернари пожелание перейти к следующему этапу изучения милленаристских движений — к выявлению, наряду со сходными для всех них чертами, также и черт, их различающих; к установлению и, по возможности, объяснению их религиозной специфики.

Начало этому уже положено. Так, Уоллес выделил три региона, для каждого из которых характерен свой вариант милленаристских движений:

1. Северная Америка — здесь среди индейцев милленаристские движения имели целью чаще всего возрождение традиционной культуры, прежних обычаев и вообще доброго старого времени, когда индейские земли еще не были отняты белыми (Revival Area);

2. Южная Америка — в этом индейском регионе преобладала мысль о миграции в такие отдаленные места или даже на небо, только бы дальше от испанцев (Migration Area);

3. Меланезия — здесь преобладал и до сих пор преобладает культ карго, идея о том, что предки придут на корабле или самолете и

²³ См. «Current Anthropology», vol. 6, № 4, 1965, p. 447—465.

²⁴ Там же, стр. 460.

²⁵ Там же.

²⁶ Доклады, прочитанные на этой конференции, изданы в виде сборника: Millennial dreams in action (ed.— S. L. Thrupp), Chicago, 1962.

привезут необходимые для местных жителей товары (Importation Area)²⁷.

Разумеется, в каждом из отмеченных регионов характерный для него вариант милленаристских движений не является чем-то единственно возможным. Речь может идти лишь о преобладании этого варианта по сравнению со всеми остальными. Однако факт преобладания подмечен правильно, и эти региональные особенности надо учитывать хотя бы для того, чтобы не называть все милленаристские движения «нейтивистскими», как это делал американский этнограф Р. Линтон, распространявший североамериканский вариант на весь мир²⁸, а также для того, чтобы не называть культ карго такие не связанные с ним движения, как культ табо у орокаива или культ тука у фиджийцев, как это делают Лантернари и Уорсли.

Прежде всего необходимо попытаться объяснить, почему в Меланезии преобладает именно культ карго, а не какой-либо другой вариант милленаристских движений; ответить на вопрос, почему здесь не получили широкого распространения те варианты милленаристских движений, которые преобладают в Северной и Южной Америке.

В Северной Америке индейцы составляют меньшинство населения. Они почти полностью утратили свою землю и самобытную культуру. Прошлое кажется североамериканским индейцам «золотым веком»; они мечтают о том, чтобы вернуться в прошлое, к своим обычаям, пытаются на практике возродить эти обычаи, видя в этом путь к спасению и даже процветанию.

Южноамериканские индейцы в ряде стран еще не все утратили: здесь есть не освоенные европейцами территории, есть скрывающиеся в джунглях и сохраняющие традиционную культуру племена. Вот почему здесь возникает миф о миграции в счастливую страну, где индейцы будут жить мирно, обеспеченно и безбедно.

Иная обстановка характерна для Меланезии. Здесь ничтожное меньшинство составляют, напротив, европейцы, а коренное население решительно преобладает; оно в значительной мере сохраняет свои земли и свою культуру. Между тем колониальный гнет и здесь ощущается все сильнее; аборигены думают о том, как добиться лучшей жизни. Они видят, что европейцы живут неплохо, причем все товары и продовольствие получают откуда-то извне (в Меланезии почти нет обрабатывающей промышленности), в виде карго — груза, доставляемого на кораблях и самолетах. Значит, думают люди, путь к лучшей жизни просто в том, чтобы этот груз получили не европейцы, а меланезийцы. Так различия в характере колонизации, неодинаковые условия современной жизни коренного населения в разных регионах порождают различные варианты милленаристских движений, в том числе в Меланезии — культ карго.

Участники дискуссии по книге Лантернари неоднократно возвращались к вопросу о причинах возникновения милленаристских движений в колониях и неодинаковой степени их распространения в разных регионах. У. Станнер спрашивал, например, почему не было никакой религии угнетенных на островах Тонга? Лантернари уклонился от ответа на этот вопрос, заявив, что к милленаристским движениям надо подходить с позиции истории, а история изучает лишь то, что было, и не изучает того, чего не было²⁹. Нельзя отказать Лантернари в данном случае в остроумии. Однако остроумный ответ еще не объяснение. Между тем историзм в марксистско-ленинском его понимании может объяснить и объясняет не только то, что было, но и то, почему отдельных явлений, соответственно закономерностям того или иного уровня социально-экономического развития, не могло быть и поэтому не было. Дело в данном случае

²⁷ A. F. C. Wallace, Указ. раб., стр. 276.

²⁸ R. Linton, Указ. раб., стр. 230—240.

²⁹ См. «Current Anthropology», vol. 6, № 4, 1965, p. 457—463.

именно в том, что аборигены Австралии по уровню своего социально-экономического и духовного развития стояли ниже меланезийцев, и поэтому культ карго у них еще не мог возникнуть, а микронезийцы и полинезийцы — выше меланезийцев, и поэтому культ карго для них был у же, как правило, не характерен.

Для того чтобы культ карго возник и охватил широкие массы населения, необходим целый ряд условий, в том числе наличие культа недавно умерших предков, т. е. вера в то, что эти предки заботятся о живых, помогают им во всех хозяйственных и прочих делах, посылают хороший урожай, удачный улов, обильную охотничью добычу. Между умершими предками и живыми людьми существует как бы взаимообмен, притом вполне материальный: живые приносят умершим предкам различные жертвы; умершие предки посылают живым урожай, улов и добычу. Такова основа, на которой колониальный гнет, европейские товары и христианство вызывают взрывы карго-культа.

Такой основы еще не было у австралийских аборигенов. У них господствовал тотемизм — представление о сверхъестественной связи между тотемами (определенными видами животных и растений), с одной стороны, и живыми людьми — с другой. От тотемов же можно было ожидать всего, что есть в Австралии, только не иноземных товаров, доставляемых на кораблях и самолетах. Четко выраженного культа недавно умерших предков уже не сохранилось у полинезийцев и также, по-видимому, у микронезийцев (традиционные религиозные верования которых, правда, еще недостаточно изучены). У полинезийцев господствовал политеизм — вера в пантеон божеств, создавших острова, растительный и животный мир, людей, их обычаи и обряды. От первопредков, отдаленных на 25—30 поколений от живых людей, вели происхождение вожди, жрецы и члены их семей, у которых не было, как правило, оснований жаловаться на земную жизнь. Простой же люд не имел прямой генеалогической связи с первопредками; он был связан с ними лишь косвенно, через вождей и жрецов, и не мог поэтому ждать от первопредков присылки каких-либо материальных благ. Вот почему в Австралии, в Микронезии и Полинезии культ карго не получил большого развития.

Однако следует отметить, что наличие в Меланезии культа недавно умерших предков само по себе еще недостаточно для возникновения культа карго. До прихода европейцев таких движений в Меланезии не было (хотя некоторые исследователи безуспешно пытаются доказать обратное). В самом деле, как мог возникнуть у папуасов Берега Маклая культ карго, если они, как пишет Миклухо-Маклай, считали себя единственными людьми на земле³⁰? Им просто неоткуда и не от кого было ждать присылки материальных благ в виде европейских товаров. Да и сам характер отношений между живыми людьми и недавно умершими предками был не таков, чтобы люди могли бросать работу на огородах или на море, разрушать хижины, уничтожать ритуальные предметы, закалывать всех свиней и прочую живность и пассивно ждать милости от предков.

Поясним нашу мысль на примере верований жителей островов Адмиралтейства. Здесь у каждой семьи — свой предок-покровитель (моен палит); это отец главы семьи, хозяина хижины, и череп его хранится на почетном месте (подвешен под крышей в резной деревянной коробке). Когда хозяин хижины умрет, его сын выбросит в море прежний череп (череп своего деда) и положит на его место череп своего отца. Предок-покровитель, по мнению аборигенов, охраняет дом и семью, отгоняет болезни и смерть, посылает удачный улов. Если же случается какое-нибудь несчастье, то члены семьи призывают медиума, который, по их представлениям, обладает способностью вызвать предка-покровителя и,

³⁰ Н. Н. Миклухо-Маклай, Собр. соч., т. I, М.—Л., 1953, стр. 322.

поговорив с ним, узнать, на что тот разгневался. Вот разговор, записанный в апреле 1928 г.:

«Медиум (просителю): Твой моен палит явился. Он спрашивает, что именно ты хочешь знать?

Проситель: Почему рыба у меня не ловится? В чем я провинился?

Медиум: Он говорит, что ты сам знаешь. Ты скрываешь это.

Проситель (грубо): Что я сделал? Я ничего не знаю. (Обращается непосредственно к моен палит). Ты, чего молчишь? Говори! Я хочу слышать! Я хочу знать!

Медиум: Он говорит, что ты должен сказать первый; ему не нравится твое лицемерие.

Проситель (вне себя от ярости): Я не буду говорить первым! Пусть он говорит. Он испортил мне рыбную ловлю. Это он виноват, а не я. Я ничего не сделал такого, чего нельзя делать. Я уплатил все долги. А он испортил мне рыбную ловлю. Пусть он говорит!

Медиум: Он говорит — нет, ты должен сказать первый.

Проситель: О чем? Что я скрыл? Я ничего не скрываю. Ты (злится на моен палита, ищет его взглядом за медиумом), что же ты, выскажись! Должен говорить и объяснять ты, а не я. Что я сделал?

Голос просителя переходит в крик. Жена его, находящаяся тут же, не в состоянии более переносить эту сцену.

Жена просителя: Может быть, все это потому, что не отдали жене Талираку горшки?

Медиум (просителю): Моен палит говорит, что твое лицемерие оскорбляет его. Но он знал, что ты не отдал жене Талираку горшки. Он ждал от тебя признания. Рыба не будет у тебя ловиться, пока ты не отдашь горшки. Но как только ты отдашь ей горшки, у тебя будет удачный улов.

Проситель (все еще в гневе): Да, но я должен сначала купить эти горшки. А на что я куплю, если рыба не ловится?

Медиум (строго): Рыба будет ловиться, но не раньше, чем ты отдашь долг»³¹.

В этой сцене все действующие лица проявляют свои качества весьма ярко и выпукло: и медиум, который еще не разобрался в обстановке (проситель пришел из другой деревни; медиум не в курсе его дел) и поэтому пытается нащупать какой-либо проступок просителя; и сам проситель, не чувствующий за собой никакой вины и недовольный предком-покровителем; и жена просителя, выбалтывающая нужные медиуму факты; и предок-покровитель, вызванный почти как на допрос и выступающий чуть ли не в роли подсудимого. Отношение просителя к предку-покровителю, как это нетрудно видеть, — весьма непочтительное и фамильярное. Житель островов Адмиралтейства больше верит в себя и свои силы, в помощь родственников и соседей, чем в помощь предка-покровителя. К последнему он обращается только в крайних случаях, и то не с мольбами, а с вопросами и претензиями. Возможности предка-покровителя, по верованиям местных жителей, весьма ограничены; во-первых, предок способствует только улучшению реальной земной жизни и ничего не обещает и не может обещать для жизни загробной; во-вторых, он не в состоянии творить чудеса на земле; он является лишь катализатором обычных событий, которые в принципе могут совершаться и без него; в-третьих, он и в этих обычных делах должен соблюдать чувство меры — так, он не имеет права наказывать смертью людей даже за тяжкие проступки. Если, например, в семье умирает ребенок, то глава семьи обвиняет в этом предка-покровителя, вынимает череп из коробки, разбивает его на куски, потом куски дробит в порошок и бросает этот порошок в огонь или в море. После этого он раскапывает могилу кого-либо из своих старших родственников, вынимает из нее череп и подвешивает коробку с новым черепом в своей хижине — в надежде, что новый предок-покровитель окажется к нему и его семье более доброжелательным.

В религиозных верованиях жителей островов Адмиралтейства и вообще меланезийцев обращает на себя внимание прежде всего пренебрежение к жизни загробной (о ней просто не заботятся) и акцент на улуч-

³¹ R. Fortune, *Manus religion*, Philadelphia, 1935, p. 292—293.

шение жизни реальной, земной, а также активность людей в воздействии на предков, вплоть до угроз в их адрес и до замены в ряде случаев провинившегося предка другим. Здесь существуют те же самые демократические порядки, какие имеются или недавно были в самом меланезийском обществе. При столь «активном» отношении людей к предкам, при столь ограниченных, по их представлениям, возможностях предков, не способных творить чудеса, при таком, наконец, страстном стремлении людей улучшить свою земную жизнь — при всем этом совершенно невозможны были бы такие события, как уничтожение людьми всего, что есть ценного в земной жизни (хижин, свиней, собачьих зубов, раковинных денег, лодок, весел, горшков и т. д.) и пассивное ожидание прихода корабля с грузом. Ни пассивное ожидание, ни уничтожение добытого с таким трудом не было свойственно папуасам и меланезийцам в доколониальные времена.

Тем новым, что привнесено было в сознание людей и создало почву для появления культов карго, было христианство. Папуасы и меланезийцы видели две категории европейцев: с одной стороны, плантаторов и патрульных офицеров, у которых всегда много товаров (карго); с другой — миссионеров, проповедующих смирение, покорность, отказ от земных радостей, воздаяние в загробном мире. Они видели также, что эти две категории европейцев тесно связаны и составляют вместе единое целое. Более того, в их сознании укрепились мысль (и миссионеры сыграли в этом не последнюю роль), что карго может иметь лишь тот, кто верит в бога. Народы Меланезии восприняли христианство в надежде, что у них будет много карго. Для них христианство было не утешением за страдания на земле, не надеждой на счастье после смерти, а средством улучшить свою реальную, земную жизнь, получить достаточное количество европейских товаров. Но вместе с этой идеей в их сознание постепенно проникла и другая идея — идея смирения, покорности, пассивности, столь чуждая их собственным верованиям и столь ревностно пропагандируемая миссионерами. Карго, как представляли себе аборигены, получит лишь тот, кто нищ и гол, кто беспредельно верит в бога, кто стоит перед богом на коленях и пассивно ожидает милостей. И все же люди не могли не заметить, что даже при соблюдении всех условий и выполнении всех требований карго прибывает только к европейцам, а у папуасов и меланезийцев его нет. Людям, работающим в поте лица на огородах и в море, трудно, конечно, понять, почему они живут в нищете, а европейцы — в роскоши, хотя европейцы на огородах не работают и рыбной ловлей не занимаются. В этих условиях рождаются мысли о том, что европейцы скрывают какой-то секрет, который известен только им; что европейцы вырвали из библии первую страницу, где сказано, что Христос был человеком не с белой, а с черной кожей; что товары посылают духи предков для коренных жителей, а европейцы незаконно присваивают их себе и т. п. Так складывается та напряженная психологическая обстановка, когда любое событие — падение цен на копру, смерть ребенка в деревне, кем-либо о чем-либо пущенный слух — может вызвать появление «пророка», скопление вокруг него последователей и очередной взрыв культа карго.

Движения, известные под названием культов карго, часто имеют целью не только улучшение материальных условий жизни, но и завоевание политической независимости. Недаром свою статью об этих движениях Жан Гиар назвал «Предшественники меланезийского национализма»³². На это указывал в своей книге и П. Уорсли, назвавший одну из последних ее глав «От миллениума к политике». Проследивая эволюцию миллениаризма в Меланезии, он пишет, что «главная тенденция в разви-

³² J. Guiart, Forerunners of Melanesian nationalism, «Oceania», vol. 22, № 1, 1951.

тии культовых движений заключалась в переходе от апокалиптического мистицизма к светской политической организации, от религиозного культа к политической партии и кооперативам»³³.

Действительно, с течением времени культовые движения в Меланезии претерпевают известную эволюцию: религиозно-мистические элементы в них постепенно ослабевают, на первый план выступают освободительные идеи, участники движений вырабатывают вполне рациональную программу борьбы за политические, социальные, и экономические права коренного населения. Движения становятся одной из распространенных форм борьбы против колониализма. Примером могут служить массовые выступления на Соломоновых островах, начавшиеся еще до войны, но особенно усилившиеся в послевоенный период. Долгое время они носили религиозную оболочку. Соответственно представлениям культа карго, островитяне надеялись, что скоро к ним прибудет большое количество европейских и американских товаров, которые будут бесплатно розданы населению. Однако вместо долгожданных грузов в конце 1947 г. к острову подошли британские военные корабли; начались многочисленные аресты. Движение ушло в подполье, но не заглохло³⁴. Более того, оно приобрело ясные социальные цели: коренное население требовало повышения заработной платы, улучшения условий жизни, а в качестве формы протеста применяло по отношению к колониальной администрации метод гражданского неповиновения. Другой пример — развернувшееся после второй мировой войны движение Палиау на островах Адмиралтейства. Религиозные моменты в нем постепенно отступили на задний план; на первое место выдвинулась борьба против колониального гнета, носившая очень длительный и упорный характер. Восставшие бойкотировали местные органы власти, торговые компании и миссии. Движение стало массовым; его руководитель Палиау неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению. Таким образом, карго-культы часто являются лишь ранней стадией национально-освободительных движений, направленных против колониализма.

В последние годы удельный вес культов карго в общей массе антиколониальных движений в Меланезии явно уменьшается. Все чаще и чаще борьба против колониального гнета принимает здесь более зрелые формы, в которых на первый план выдвигаются экономические и политические требования.

THE «CARGO CULT» IN MELANESIA (TOWARDS THE PROBLEM OF MILLENARIAN MOVEMENTS)

Concrete examples of «Cargo Cults» from New Guinea and Melanesia are shown in the paper; testimony given by participants — aborigines and patrol officers who combated the cults are drawn upon for characterizing the movements. The author singles out certain features common to all «Cargo Cults»: the hostile attitude of their followers towards the colonial administration; their belief in a prospective arrival of a ship loaded with cargo sent by spirits of ancestors; discontinuance of work in garden plots; destruction of valuables, etc. A brief survey of the study of the «Cargo Cult» is given in the paper; concepts of various researchers regarding the causes of millenarian movements in colonies and their irregular spread over the various regions of the globe are analyzed. The author criticizes the tendency of certain bourgeois researchers to seek the causes of the «Cargo Cult» only in local social and religious institutions. Without denying the importance of these factors the author, however, sees the main cause of these movements in colonial oppression. In conclusion it is noted that the role of «Cargo Cults» within the totality of anti-colonial movements is manifestly diminishing, the struggle against colonialism is assuming more mature forms in which economic and political demands are coming to the fore.

³³ П. Уорсли, Указ. раб., стр. 287.

³⁴ J. Guiart, Forerunners of Melanesian nationalism, p. 85.